

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

Цикл

«Инженер»

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

Цикл

«Терра инкогнита»

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА
ЭРА НАДЕЖД

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Андрей Величко
Эра надежд

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27 Эра надежд: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 311 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1184-9

Поговорка «конец — делу венец» справедлива не всегда. Ведь если дело — это обеспечение будущего целого народа, то какой тут может быть венец? На таком пути нельзя останавливаться.

Путешественники во времени уже давно обустроили свою жизнь в прошлом, но ведь этого мало. Как сделать, чтобы дети росли с надеждой, что их правнуки будут жить лучше, чем они, и добьются большего? Точного ответа не знают ни Илья Баринов, ни Алексей Романцев, ни Виктор Маслов. Но это не мешает им жить и работать не покладая рук.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1184-9

© Величко А. Ф., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Первый лейтенант Небесного Флота Франции виконт Александр де Тасьен повернулся назад и махнул рукой бортмеханику. В принципе можно было и просто выкрикнуть команду в переговорную трубу, но Александр хотел еще раз убедиться, что Пьер готов и будет действовать так, как они договорились.

Тот кивнул и для порядка еще несколько раз качнул рукоятку воздушного насоса, хотя над спиртом и было давление, вполне достаточное для работы горелки на запредельном режиме в течение как минимум десяти минут. Потом взялся за ручку водяной помпы и начал качать ее.

Де Тасьен понимал, насколько ему повезло с бортмехаником. Ведь по традиции туда принимали людей из третьего сословия, а требовались на этом месте большая физическая сила, выносливость, сообразительность и немалая отвага. Но Пьер, отобранный лично им, обладал всеми этими качествами. Ну теперь только бы не струсил в самый ответственный момент...

О том, что в случае взрыва парового котла бортмеханик умрет мгновенно, а ему придется помучиться, но конец все равно будет тем же самым, де Тасьен предпочитал не думать. Он внимательно всматривался вперед, туда, где недавно в разрыве облаков мелькнул серый вытянутый силуэт. По закругленным концам вертикального руля Александр сразу опознал «Шот-

ландию». Дирижабль австралийской сборки второй модификации, с турбиной повышенной мощности и улучшенной управляемостью, способный разогнаться до сорока пяти километров в час, а то и больше. Черт побери, ну почему же у Франции нет таких машин?

Да потому, вынужден был признать первый лейтенант, что нами правит его величество «король-солнце», которому хочется иметь большой небесный флот. И он у него есть — двенадцать воздушных кораблей, в то время как у Вильгельма их всего три. Но, дьявол его задери, они все австралийские! И заправочное оборудование тоже, и по два подготовленных экипажа на каждую машину. Вот англичане и летают практически каждый день. У нас же...

Не сдержавшись, Александр плюнул за борт. На девяти машинах бумажные баллонеты, которые текут, как решето! Реакторов всего четыре, и только один из них австралийский, остальным же для заправки одного дирижабля требуется трое суток. Как раз пока заправляешь один, предыдущий за это время растеряет половину водорода! И вечная нехватка то кислоты, то цинка, то обоих реактивов вместе.

В общем, даже в лучшие времена Небесный Флот не мог поднять в воздух более двух дирижаблей одновременно. И самым боеспособным из его воздушных кораблей была старушка «Франция», за штурвалом которой сейчас и сидел де Тасьен.

Но все-таки у него имелось два козыря. Первый из них — новый паровой котел от лучшего парижского мастера мэтра Бурлье. Мэтр утверждал, что на испытаниях его изделие выдержало двадцать атмосфер. Правда, предохранительный клапан он настроил все-таки на восемнадцать. Так себе козырь, больше чем на семерку не тянет, однако есть и другой, который де Тасьен считал тузом. Вот он, под чехлом из лионского бархата, рядом с пилотским местом. Новей-

ший австралийский пулемет — специальная облегченная конструкция, правда, с барабаном всего на двадцать восемь зарядов. И главное, пули в нем.

Как-то раз, увидев выстрел из австралийской пятидесятимиллиметровой пушки, де Тасьен обратил внимание, что за снарядом остается дымный след. И вместе с королевским пиротехником придумал начинку для пуль, которая зажигалась в момент выстрела и горела все время полета пули. Это не только позволяло точно видеть, куда стреляешь, но и не оставляло шансов дирижаблю при попадании. От обычной пули может быть и просто дырка, но те, что заряжены сейчас в барабанах, обязательно подожгут водород.

«Шотландию» надо было как можно быстрее уничтожить: слишком много неприятностей этот корабль доставлял французам. Король обещал, что сделавший это немедленно получит графский титул и звание адмирала.

Тут де Тасьен опять плюнул. Обещать-то его величество обещал: ни титул, ни звание денег не требуют. Но почему австралийский пулемет Франция купила только один? Причем не тот, что установлен рядом, а старый, который обошелся всего в полторы тысячи рублей? Мол, академики разберутся, как он работает, и мы наделаем себе таких же. Третий год разбираются, дармоеды! Да и тяжеловат тот всеящий полтора ста кило пулемет для дирижабля.

Этот же был куплен самим де Тасьеном и на его личные деньги. Пришлось отдать за него все, что было, то есть восемнадцать ливров! Однако герцог Алекс оказался столь любезен, что предоставил рассрочку на недостающие три тысячи четыреста восемьдесят два. И подарил на память алюминиевую сторублевую монету, из-за которой чуть не передрались два королевских ювелира, но денег от ее продажи с лихвой хватило на изготовление горящих в полете пуль.

Облака становились все реже, и Александра начало помаленьку одолевать беспокойство. Как бы не заметили его англичане раньше времени — ведь тогда они смогут легко уйти, пользуясь преимуществом в скорости.

После недолгих сомнений Александр дернул за шнур под пилотской скамейкой, и последний из четырех мешков с песком полетел вниз. Балласта уже нет, но надо подняться повыше, где облака вроде чуть гуще.

Теперь первый лейтенант избегал смотреть в ту сторону, где летел пока не замечающий его английский дирижабль. Александр точно знал, что внимательный взгляд можно почувствовать. Вот он полгода назад почувствовал, потому и жив до сих пор. Наоборот, де Тасьен смотрел вверх и при этом бормотал только что придуманную не то песню, не то молитву: «я тучка, тучка, тучка, а вовсе не дирижабль!» Еще минуты три — и англичанам никуда не деться. Для разворота им потребуется время, за которое более тихоходная «Франция» подойдет на дистанцию выстрела. Минута... другая... о дьявол!

Подвижное перо вертикального руля «Шотландии» пошло вправо. Заметили, лимонники, и начали поворот. А их бортмеханик оторвался от рычагов и возится со штуцером. Это он зря, но ведь и так может уйти!

— Давай! — заорал де Тасьен в переговорную трубу.

Сзади раздались металлические удары: это механик забивал клин в предохранительный клапан. А потом хекнул и начал качать. Ох как начал! Рукоятка помпы чуть не гнулась в его могучих руках, и временами Александру казалось, что сквозь все повышающийся истошный вой турбины он слышит громкое сопение бортмеханика. «Францию» раскачивало — то ли от порывов ветра, то ли от титанических усилий Пьера.

Де Тасьен закрепил штурвал, педали и, сдвинув-

шись вправо, осторожно снял чехол с пулемета. Виконт считал, что на земле ценность этого оружия невелика. И не столько из-за большого веса, сколько из-за возможности загрязнения. Несколько песчинок, попавших в тонкий механизм, вполне могут вызвать задержку или даже полный отказ. Но тут-то, в небе, откуда им взяться? Да и дым после первых же пяти выстрелов на земле закрывает весь обзор, а на дирижабле его сразу сдует назад.

Лейтенант быстро разжег спиртовку, закрыл отсек бойка стеклянной крышкой и, пока игла раскалялась до малинового свечения, еще раз проверил зазоры в шестеренках и толкателях, хоть и лично регулировал их перед вылетом. Все в порядке, можно заводить пружины — сначала большую, барабана, потом малую, затворного механизма. Это следовало делать перед самым открытием огня: от долгого стояния в сжатом виде пружины могли ослабнуть.

«Шотландия» тем временем развернулась уже почти наполовину, а ее бортмеханик выстрелил из своего штуцера. Ясное дело, не попал: между дирижаблями еще не меньше трехсот метров!

В свист турбины начал вплетаться какой-то скрежущий звук, но де Тасьен не обращал внимания — ведь осталось всего несколько секунд. Он совместил мушку с вырезом в прицельной рамке так, чтобы они смотрели прямо в центр надписи «Роял айр нави» на борту англичанина. И дал короткую пристрелочную очередь. Пули прошли ниже — значит, он недооценил расстояние до «Шотландии». Ствол чуть вверх...

Турбина сзади загрела так, что де Тасьен почти не слышал грохота своего пулемета, но он видел, как яркие черточки по крайней мере трех пуль исчезли в борту английского дирижабля. Сначала не происходило ничего, но потом ближе к хвосту из-под обшивки вырвалось пламя, а в следующий момент «Шотлан-

дия» взорвалась! И тут же «Францию» затрясло, вместо воя сзади пошел лязг, вскоре заглушенный мощным свистом стравливаемого пара. Подождав, пока он прекратится, де Тасьен обернулся.

— Турбине кирдык! — крикнул ему механик.

И в Англии, и во Франции воздухоплататели давно мерили расстояния в метрах, вес — в килограммах, а объемы — в литрах. Кроме того, среди них получили распространение характерные слова, которыми комментировали различные ситуации австралийские инструкторы.

Конечно, Пьер человек смелый и сильный, однако его техническая грамотность оставляет желать лучшего, подумал де Тасьен, глядя на развороченный корпус турбины, из которого торчали гнутые лопасти. Какой же это кирдык? Тут совершенно явный песец, даже и говорить не о чем.

Потом лейтенант посмотрел вниз. Там, примерно в полукилометре, блестела чуть подернутая рябью волн поверхность Ла-Манша. Судя по тому, что ни одного из берегов не было видно, они находились примерно посередине, то есть не менее чем в пятидесяти километрах от Шербура.

Де Тасьен попытался оценить направление и скорость ветра. Их понемногу несет туда же, куда движутся волны, то есть на восток, вдоль пролива. Это нехорошо, так можно лететь долго, а залететь вообще черт знает куда. Впрочем, из-за утечек дирижабль все равно опустится не позднее чем через сутки. А что вверху?

Там облака шли в нужном направлении, то есть на юг, но до них было не меньше километра. И значит, надо сбрасывать все, без чего можно обойтись, чтобы набрать необходимую высоту.

Пьер это тоже понял, отчего взял гаечный ключ и начал было откручивать гайки крепления спиртового бака. В безмерном изумлении де Тасьен смотрел на

действия своего бортмеханика, но быстро очнулся и рывкнул:

— Двоечник! Каким местом ты слушал объяснения господина Цеппелинюка? Сбрасывать надо в первую очередь то, что больше весит, а вода гораздо тяжелее спирта! Значит, первым делом водяной бак. За ним — котел, мэтр Бурлье не надорвется сделать еще один. Не хватит — скинем турбину, один черт ее уже не починить. И только потом, если этого окажется мало...

Механик занялся водяным баком, а виконт повернулся спиной к штурвалу и педалям — все равно рули уже не могут оказать никакого влияния на полет. Достал из ящичка под сиденьем небольшой австралийский стаканчик из очень легкого полупрозрачного материала, открыл краник, налил горячего и, задержав дыхание, употребил. Эх, до чего же хорошо пошло!

Проводив взглядом кувыркнувшийся вниз водяной бак, Александр расстелил на сиденье рядом с собой шелковый платок, выложил туда три недозрелых томата, после чего достал алюминиевую флягу. В ней сейчас булькал не спирт, а пиво, ибо горячего в баке вмещается двести литров — зачем его лить еще и в эту несерьезную емкость. Правда, к текущему моменту запас спирта был выработан чуть больше чем наполовину, но оставшегося все равно хватит. Пиво же, хоть оно и простонародный напиток, великолепно подходит запивать стаканчики от второго и далее. Гораздо лучше анжуйского или даже шампанского вина, хотя некоторые, например шевалье де Кувре, так не считают. Ну и бог им судья, Александр вообще недавно с удивлением услышал от королевского медика, что плоды томатов, например, страшно ядовиты. Да что может понимать эта клистирная трубка, когда сам герцог закусывает спирт именно ими? Особенно хороши вот такие, еще слегка зеленоватые.

Посмотрев, как вслед за водяным баком вниз от-

правился котел, де Тасьен принял еще стаканчик, закусил томатом и, самую малость подумав, для полной гармонии добавил пару глотков пива.

Вовсю светило солнце, и вообще жизнь явно была хороша. И австралийцы молодцы — придумали сделать крепления так, что для сброса любого оборудования требовались усилия всего одного человека, так что вставать и идти помогать Пьеру, начавшему возиться около турбины, не было никакой нужды.

Виконт опять взялся было за стаканчик, но глянул влево и засунул емкость обратно в ящик. Пулемет! Вот его-то ни под каким видом сбрасывать нельзя, а значит, надо загасить спиртовку, распустить пружины, протереть подающий механизм и аккуратно зачехлить оружие. И только потом продолжить утоление духовной жажды. Кстати, как там высота? О, уже почти добрались до второго слоя облаков, и теперь ветер ощутимо сносит дирижабль на юг. Так что сбросим турбину, и высоты с гарантией хватит долететь до берегов Франции.

Де Тасьен с любовью смотрел на хитрый механизм, обошедшийся ему в совершенно непредставимую сумму. И не суть, что он ее не отдавал: долг есть долг, от него никуда не деться. Единственное утешение — герцог, ясно понимая стесненные обстоятельства виконта, не настаивал на скорейшем погашении, предоставив срок в пятьдесят лет. И специально подчеркнул, что на наследников этот долг не перейдет, так что дорогой виконт может не опасаться, что в случае, например, его преждевременной гибели в бою у него, Алекса, будут какие-нибудь претензии к его семье.

«Ха, даже если мне и дальше так будет везти, что я в конце концов умру в своей постели, то все равно это случится гораздо раньше, чем через пятьдесят лет», — подумал тогда виконт.

Тут он был и прав, и неправ одновременно. Ему

действительно было не суждено дожить до окончания пятидесятилетнего срока, но совсем немного — всего полгода. Граф Александр де Тасьен, генерал-адмирал Небесного Флота Франции, кавалер орденов Святого Михаила, Святого Духа, Святого Людовика и даже австралийского Дружбы Народов, скончался в самом начале пятидесят шестого года века железа и пара на девяносто четвертом году жизни. Да и то принявший последний вздох графа врач утверждал, что если бы не излишняя любовь адмирала к горячительным напиткам, коей он не изменял до последнего дня жизни, то его сиятельство прожил бы еще как минимум несколько лет.

Но сейчас, в июле одна тысяча семьсот шестого года, Александр де Тасьен, понятное дело, знать этого не мог. И поэтому, убедившись, что турбина благополучно покинула гондолу, он откушал третий стаканчик, запил, закусил, аккуратно свернул платок. После чего, откинувшись спиной на закрепленный штурвал, уперся ногами в спиртовой бак и надвинул на глаза козырек летного шлема. Жизнь была не просто хороша, а натуральным образом прекрасна. И, значит, ничто не помешает вздремнуть часа три-четыре, за которые ветер донесет неуправляемый дирижабль до берегов Франции.

ГЛАВА 1

Двадцать девятого июля угольные ямы крейсера «Капитан Врунгель» наконец-то были заполнены, хотя и с заметным опозданием. Уголь поставляли англичане, но, после того как мы чуть не утопили их линейный корабль «Сент-Джордж», Вильгельм счел нужным показать, что он обиделся, и начал волокитить угольные поставки.

Наша база на архипелаге Силли представляла собой оазис мира посреди охваченной Войной за испанское наследство Европы. Корабль любой страны мог зайти в гавань на острове Сент-Агнес, а прибывшие на нем — поговорить с австралийскими представителями о чем-нибудь возвышенном. Например, о поставках турбин или пулеметов. Но естественно, англичанам не нравилось, когда к нам с подобными целями заглядывали на огонек французы, эти желали не допустить австрийцев и тех же англичан, и так далее. Пару раз в непосредственной близости от островов устраивались настоящие бои, причем второй раз это произошло во время моего четвертого визита в Европу. Полночи два каких-то урода палили друг в друга из пушек, спать не давали! А у нас, между прочим, на острове Сент-Мэрис база дирижаблей, мало ли — залетит какое-нибудь шальное ядро.

Короче говоря, я тогда взял карту, циркуль и обвел вокруг центра архипелага круг восемнадцатикиломет-

рового радиуса, после чего довел до заинтересованных сторон, что отныне тут демилитаризованная зона. И всякий, кто вздумает стрелять в ней хоть из пистолета без санкции австралийцев, немедленно на своей шкуре почувствует мощь их артиллерии.

Кстати, англичане, как и в будущем, сейчас совершенно явно вели политику двойных стандартов. Когда мы два года назад сожгли решивший нарушить покой мирного архипелага французский фрегат, Вильгельм нисколько не возмущался. А вот когда их линкор в пятнадцати километрах от нашего берега вздумал обстрелять французскую шхуну и словил за это торпеду с патрульного катера, английский король впал чуть ли не в прострацию. Мол, это второй по мощи корабль английского флота, а вы с ним поступили так некрасиво. На чем теперь с французами воевать?

И ладно бы мы утопили их корыто, так нет, оно осталось на плаву, хоть и в сильно поврежденном виде. Что поделывать, это же первое натурное испытание наших торпед. И кстати, по его результатам они были признаны недостаточно мощными. Говорил я Илье, что английский линкор — штука очень прочная и такой мелочи, что мы делаем, ему может не хватить, а император не верил.

Но тут получилось очень удачно в том смысле, что на подвергшейся нападению шхуне к нам плыл де Тасьен. И я показал ему облегченную модель барабанного пулемета, а потом проследил, чтобы он получил хоть какие-нибудь сведения о трассирующих пулях и снарядах. То, что виконт мужик сообразительный, я уже знал, и в этот раз он тоже оправдал мои ожидания. Через две недели после инцидента с линкором новейший английский дирижабль «Шотландия» был сбит, а спустя четверо суток на Силли появился сам королевский камердинер Натаниэль Мосли. Он сообщил, что

все виновные в волоките с угольными поставками уже наказаны, два груженных корабля вышли из Кардиффа и завтра будут здесь. А ему поручено обсудить условия срочного заказа нового дирижабля, отличающегося от «Шотландии» мощным оборонительным вооружением.

Так что флагман нашего крейсерского флота в ближайшее время сможет пуститься в путь к берегам Таганрогского залива.

Этот самый флот состоял из трех довольно похожих по конструкции корпуса, но вообще-то разных кораблей.

Первый из них при закладке был назван броненосцем, хотя по сути являлся канонерской лодкой береговой обороны. Он получил имя «Матрос Фукс» и нес службу у берегов Австралии.

Второй был сделан заметно мореходнее, и сейчас «Старший помощник Лом» демонстрировал австралийский флаг в Красном море. А «Капитан Врунгель» отличался от своих собратьев еще и двигателями. У нас наконец-то получилось сделать прямоточные машины двойного расширения мощностью в восемьсот сил, и две таких стояли на «Врунгеле», благодаря чему он на одной заправке мог пройти десять тысяч километров со скоростью восемнадцать километров в час. На предельной мощности машин скорость составляла чуть больше тридцати.

Все три корабля были полностью лишены парусного вооружения. Правда, на их атрофированных мачтах при желании можно было растянуть куски полотна, хранящиеся в каптерках, но это на такой крайний случай, которого до сих пор не было, причем я надеялся, что и не будет.

Вооружены они тоже были почти одинаково, имея в качестве главного калибра по четыре стомиллиметровых пушки. Правда, на «Врунгеле» стояли орудия

чуть подлиннее, сорокакалиберные, то есть с длиной ствола четыре метра. Из них ученики Ваки могли вполне прилично стрелять на семь километров.

Для самого же Ваки это был последний перед пенсией поход, за время которого он собирался окончательно убедиться, что вырастил достойную смену. Все-таки ему недавно стукнуло пятьдесят девять лет, и он собирался по возвращении в Австралию осесть в Ильинске, где заняться преподавательской деятельностью.

Этот визит в Европу, как и два предыдущих, я совершал без Элли. Все-таки оставлять двоих сыновей было еще рано, пусть хоть немного подрастут — и тогда герцогиня вновь сможет сопровождать мужа в его дальних путешествиях. Ну а пока я один занимал трехкомнатную адмиральскую каюту «Капитана Врунгеля» — очень большую по сравнению с той, что была у меня на «Чайке», и непредставимо огромную, если сравнивать ее с клетушкой на «Победе».

Вообще-то я не очень расстраивался из-за задержки с углем, потому что на Силли еще не явились «Молния» и «Катя» — корабли, построенные для нас голландцами по типу чайных клиперов. Мы вышли из Ильинска одновременно, но парусники отстали, хотя «Врунгелю» пришлось три раза дозаправляться — на острове Амстердам, в Кейптауне и на Мадейре.

«Молния» была сделана как пакетбот, то есть грузопассажирское судно, и везла второй состав Иностранного легиона в количестве трехсот с небольшим бойцов. Вернувшиеся на родину легионеры первого призыва продемонстрировали столь богатую добычу и премии, да потом так расписали свои подвиги, что конкурс в наш Иностраннный легион достиг пяти человек на место. Принимались туда исключительно арауканы, уже показавшие свое воинское искусство. А за-

ниматься новым легионерам придется тем же самым, что вполне успешно делал и первый состав, то есть истреблением ногайцев. Кстати, среди командного состава было три десятка человек, пожелавших отслужить второй срок.

«Катя», построенная по чертежам «Катти Сарк», являлась чистым грузовиком и везла в основном оборудование для Ост-Австралийской компании, в том числе два небольших паровозика и восемь вагонов, среди которых был и мой персональный салон. Потому как мне предстояло довольно далекое путешествие, аж в Москву. Дело в том, что меня туда пригласил Петр на свою свадьбу. Причем женился он не на ком-нибудь, а на принцессе Светлане Бариновой, в преддверии свадьбы принявшей православие и сменившей имя на Екатерину.

За восемь лет, прошедших с момента основания Ост-Австралийской компании, она смогла протянуть железные, а точнее, чугунные дороги от Донецка в одну сторону — до Таганрога, а в другую — до Орла. Между Старым Осколом и Донецком регулярно курсировали два десятка рангоутных поездов с велосипедным приводом, причем иногда они ухитрялись проходить под парусами до половины пути. Настала пора переводить дорогу на паровую тягу. Правда, до такого технического маразма, как паротурбинный паровоз, мы с Ильей все же не дошли, хотя подобная мысль была, так как у нас валялась без дела коробка передач от КамАЗа. Но она была всего одна, так что мы просто спрятали поршневые машины внутри наших паровозиков, а снаружи все-таки присобачили турбины, которые не только гремели и свистели, но еще и крутили генераторы. Разумеется, машинисты будут знать, что находится в недрах их машин, но они никому не скажут. Потому как нам действительно удалось повернуть конструкторскую мысль Европы в сто-

рону турбин, и сейчас все считали поршневые машины тупиковой ветвью развития.

И значит, от Таганрога до Орла мне предстояло ехать по чугунной дороге. В Орле к моему визиту компания построила деревянный катамаран, двигатель для которого я вез с собой. Вот это уже была турбина, но с конденсатором отработанного пара и гибким валом, то есть сделанная как положено. Она оказалась даже чуть экономичней, чем поршневой паровик такой же мощности, но мы не были уверены в ее ресурсе. Впрочем, от Орла до Москвы и обратно его явно хватит. И наверняка останется, так что потом этот кораблик будет преподнесен Петру в качестве свадебного подарка, но с отложенным вручением. На ее редуктор и пошли шестеренки от той самой коробки. По идее, они смогут служить долго, потому как наша турбина крутилась хоть и быстрее, чем камазовский движок, но мощность имела всего около шестидесяти сил.

В Орле, Калуге и Коломне были подготовлены угольные склады. Ну и в крайнем случае топка сможет работать и на дровах, а уж леса-то по берегам Оки более чем достаточно.

Разумеется, водный путь был существенно длиннее сухопутного. Но, надеюсь, все помнят про две российских беды? Правда, точно неизвестно, кто автор этого афоризма — Гоголь, Салтыков-Щедрин или Николай Первый, — но его истинность до сих пор не оспаривалась. Причем про дураков я точно не знаю, но дороги в петровские времена были хуже, чем при любом из потенциальных авторов афоризма. Так что даже по времени путь в восемьсот пятьдесят километров по воде окажется быстрее, чем в четыреста по дорогам России самого начала восемнадцатого века. Ну и барахла с собой можно будет захватить существенно больше, это тоже немаловажно.

Особых боестолкновений на пути от островов Силли до Азова не предвиделось, хоть в Средиземном море сейчас и воевали. Но ведь не дураки же они, все эти воюющие стороны, чтобы нападать на три австралийских корабля! А проход через все три пролива уже шестой год был для наших судов свободным не только по факту, но и официально, о чем у меня имелась богато украшенная шнурами и печатями бумага от султана. В Керчи же вообще сидел гарнизон Ост-Австралийской компании. Он занимал маленькую крепость на мысу, которую мы просто купили у турок за двадцать алюминиевых столовников, алмаз весом в тридцать два карата и рубин раз в пятнадцать тяжелее. Кажется, он оказался самым большим в султанской сокровищнице, но меня это не очень волновало. Надо будет — в обращении появятся камни весом по полкило. И единственным неудобством от того, что Керчь оставалась турецкой, была необходимость содержать там три небольшие лодки под австралийским флагом. Когда русский корабль хотел пройти через пролив, одна из этих лодок его сопровождала.

А вообще-то Ост-Австралийская компания имела и свои войска, численность которых к началу шестого года достигла двух с половиной тысяч человек. При чем в основном не австралийцев, а русских.

В уездах, через которые проходила чугунная дорога, каждый крестьянин, подходящий по возрасту и здоровью, мог податься в армию компании. Где подписывал контракт на шесть лет, по истечении которых становился свободным человеком. Рядовой получал три австралийских рубля в год, ефрейтор — пять, сержант — десять, плюс на дембель каждому было обещано по троюку. Ясно, что желающих почти сразу стало больше, чем вакансий. Помещику за каждого ушедшего в армию платилось от шестидесяти копеек до рубля двадцати, причем русскими деньгами, за которыми еще

нужно было ехать в Москву, в Кумпанскую коллегию. Правда, если тот помещик с должным почтением отнесся к нагрянувшим к нему в гости австралийским вербовщикам, с ним расплачивались сразу и монетами с портретом Ильи Первого, которые были где-то раз в пять весомей русского рубля. Поэтому большинство не очень возмущалось, особенно после одного инцидента. Тогда какой-то урод, владеющий несколькими деревеньками под Курском, велел выпороть троих парней, собравшихся в армию компании, вследствие чего один из них умер. Но вскоре туда явилась наша рота и под барабанный бой расстреляла помещика у стенки его собственного дома, а потом на всякий случай еще и управляющего. После чего вдове и наследникам объяснили, что теперь они наверняка испытывают к компании столь теплые чувства, что задаром и без звука будут отпускать любого, пожелавшего не только служить, но работать на объектах компании, ибо стенка для непонятливых — вот она. Этот эпизод произвел должное впечатление. Поначалу я опасался, что он не понравится Петру, но царь отнесся к произошедшему без малейшего интереса, ибо как раз тогда на вооружение гвардейских полков начали поступать штуцеры производства Донецкого оружейного завода.

Если кто помнит, директорами компании значились мы с Петром, так что произошедшее было оформлено от его имени. А первым вице-директором уже четвертый год работал Василий Баринов, пошедший на повышение после пяти лет службы в лондонском посольстве и годичного отпуска на родине.

Надо сказать, что у меня имелась и еще одна причина посетить Москву, хоть и не такая важная, как свадьба Петра и Екатерины. Дело в том, что Россия все-таки вляпалась в войну со Швецией.

Северная война этой истории началась на три года

позже, чем в той, что я учил в школе, но протекала почти так же. Отсрочка же была связана с тем, что Петр первое время ну никак не поддавался на уговоры датского короля Фредерика и своего польско-саксонского собутыльника Августа, так что они в конце концов плюнули и начали войну без него.

Поначалу фортуна им улыбнулась. То есть это они так думали, а на самом деле Карл или его советники оказались в десять раз умнее польского и датского королей, вместе взятых.

Суть проблемы была в банальном отсутствии денег у Карла, которые ему ну никак не хотел давать парламент. И молодой король просто дождался, пока его оппоненты прониклись величием своих полководческих дарований до полной потери осторожности, а даже до последнего депутата дошло, что еще чуть-чуть — и у Швеции отнимут все ее владения на восточных берегах Балтики. После чего, получив финансирование, Карл занялся подготовкой армии, но как раз в это время Петр совершил серьезную ошибку.

Забеспокоившись, что поляки с датчанами заберут себе все, он заявил, что готов к союзу. Тогда, в конце одна тысяча семьсот третьего года, казалось, что Август вот-вот возьмет Ригу и Нарву, а Фредерик бодро вторгся в Голштейн-Готторпское герцогство и через два дня на третий слал оттуда победные реляции. Даже если бы это было правдой, Петру все равно следовало повременить, однако излишняя терпеливость в число его недостатков не входила никогда. В общем, он пообещал начать военные действия в Ингрии так быстро, как только сможет, но все равно опоздал.

Карл в хорошем темпе высадил морской десант под Копенгаген и пригрозил разрушить его к чертям, если Фредерик тут же не уберется с захваченных земель и не заключит мир со Швецией. После чего, не дождав-

шись даже официального подписания этого мира, погрузил свое войско на корабли и через неделю нанес Августу сокрушительное поражение под Ригой. Из-под Нарвы польско-саксонское войско убралось само, спеша то ли на помощь своему королю, то ли просто сбежать, но было поздно, потому как Карл быстро развернул войска и ударил теперь уже по этим. В результате Август еле унес ноги, но без армии. Карл тоже двинулся в Польшу, но, естественно, не один, а во главе своих победоносных войск.

Вот тут бы Петру и сделать вид, что он здесь вовсе ни при чем! Но русский царь решил, что если Карл увязнет в Польше, то ему будет не до Нарвы. Ну и договор опять же хотелось соблюсти, без этого тоже не обошлось.

Было бы Карлу где увязать! Да и разведка у него работала не в пример лучше русской, так что полки Петра еще только начали, сами увязая в осенней грязи, движение к Нарве, а Карл уже скрытно перебросил туда восемнадцатитысячный корпус, которым, как всегда, командовал лично.

В общем, разгром под Нарвой тут был даже более основательным, чем в нашей истории. Русская сорокапятитысячная армия, еще не успевшая занять позиции, сразу оказалась рассечена на две части. Причем боеспособные гвардейские полки попали в окружение без артиллерии, которой сейчас у Петра благодаря деятельности нашей компании было довольно много. Разумеется, пушки были старого образца, такие же, как у Карла, только чугунные. И все они попали к шведам, после чего три дня подряд сильно увеличившаяся в числе шведская артиллерия обстреливала позиции окруженных полков, пока их остатки не сдались в плен.

Царь даже не успел прибыть к месту событий. Когда он выехал из Пскова, все было еще нормально, но

через несколько дней его перехватили сразу несколько курьеров с вестью о небывалом разгроме.

Дальше все пошло примерно как у нас, то есть сейчас Москва копила силы, примеряясь для начала попробовать взять Нотебург и Ниеншанц, а Карл увлеченно гонял Августа по Польше и прикидывал, как скоро он перенесет военные действия в Саксонию.

Петр уже не раз спрашивал меня в письмах, собирается ли Австралия помочь России в Северной войне. На это я ответил, что посылать свои войска мы не будем, но через Ост-Австралийскую компанию окажем всю необходимую помощь техникой, оружием и деньгами. И вот сейчас мне предстояло конкретно договариваться с царем, что будет сделано, когда и почему.

ГЛАВА 2

Пожалуй, не помешает уточнить обстановку, сложившуюся в Европе к моему пятому визиту туда.

Разумеется, то, что я на стыке веков подкормил Карлоса витаминами и иммуностимуляторами, да плюс еще перевел короля в чуть более приличную обстановку, радикально на ситуацию повлиять не могло. Слишком уж большой букет всяких болячек, про многие из которых я небось и не знал, скопился у испанского величества к сорока годам. С папой получилось примерно так же. Он прожил лишний год, покинув этот мир в декабре семьсот первого. Карлос пережил Иннокентия, но ненадолго, скончавшись в ноябре семьсот второго. Через полгода после смерти испанского короля началась война за его наследство, к которой все стороны активно готовились уже несколько лет.

Поначалу французы одержали две серьезные победы. Первую — буквально на третий день войны, когда

их атлантическая эскадра благодаря разведке с воздуха смогла подловить англичан, движущихся двумя колоннами, по частям. И хорошо вломить сначала первой половине английских морских сил, а потом второй. В это время австрийский флот, хоть и был не бог весть каким боеспособным, вообще не принимал участия в войне. Ибо Англия и Священная Римская империя были, конечно, союзниками, но не настолько, чтобы вот так сразу ринуться помогать друг другу, отодвинув в сторонку собственные шкурные интересы. Так что через четыре месяца австрийцы потерпели поражение в Испании, причем здесь ситуация выглядела зеркально. У англичан имелись сухопутные войска на Пиренеях, но они даже и не подумали помочь избиваемым австрийцам.

Наиболее же сильно отличалось от нашей истории положение и поведение Турции.

Начнем с того, что тут продолжал сидеть на троне все тот же султан Мустафа Второй, чью туфлю в свое время мне так и не дали поцеловать. Жмоты, я ведь уже раскатал было губы на эквивалент полутора тонн золота, выраженный в поставках турецкого зерна в Австралию! Но султана одолела жаба, и мне пришлось ограничиться поясным поклоном за такие смешные деньги, что сумму даже неудобно вспоминать.

Так вот, Людовик в преддверии войны прилагал немалые усилия, в основном финансовые, чтобы втянуть в нее Турцию в качестве своего союзника. Видимо, сверхплановые поступления и способствовали тому, что очередной янычарский бунт в семьсот третьем году, в результате которого в нашей истории Мустафа слетел с трона, здесь кончился неудачей. А главный мулла и верховный толкователь Корана при султанине, забыл, как по-ихнему называется эта должность, наконец-то оказался в немилости, где был тихо отрав-

лен, и бразды правления окончательно взял в свои руки великий визирь Хусейн-паша Кёпрелю.

Глядя на ухаживания Людовика за Мустафой, Вильгельм прикинул кое-что к носу и сделал, с моей точки зрения, очень красивый ход. Он договорился о союзе с Венецией, причем ему это обошлось вчетверо дешевле, чем французам в отношении Турции. И участие последней в Войне за испанское наследство свелось к тому, что турки со всем пылом ринулись разбираться с родиной Вивальди. Что не приносило ни малейшей пользы Людовику и ни малейшего вреда Вильгельму. Правда, самой Венеции было совсем худо, и, похоже, теперь она могла прекратить свое существование как государство задолго до Бонапарта, но это никого особенно не волновало.

Ну и Вильгельм, как нетрудно догадаться, здесь и сейчас был живехонек, даже и не собираясь помирать ни от какого воспаления легких. Правда, он заметно постарел на своей ответственной и нервной должности, но это, так сказать, неизбежные издержки профессии.

В Северной Америке тоже вовсю воевали. Обе стороны пытались пакостить супостату руками местных индейцев, но у французоз пока получалось явно лучше. Мы это знали точно, потому как там для наблюдения находилась небольшая австралийская эскадра, состоящая из «Чайки» и «Победы» под командованием Михаила Баринаова.

Вообще-то это была комплексная экспедиция. Официальным ее прикрытием являлось изучение перспектив прямой торговли с тамошними колониями, на что нам дали разрешение и Англия, и Франция. Обеим сторонам весьма понравились наши старые тридцатимиллиметровые пушки, которых в свое время было наделано десятков пять, но для действий на море они подходили не очень. Ну а тут, где основным

типом укреплений был наскоро сооруженный бревенчатый частокол, да и то далеко не всегда, эти легкие орудия оказались в самый раз, да и они могли перевозиться по лесным тропинкам на лошадях.

Кроме того, мы с Ильей в свое время читали Фенимора Купера, да и артист Гойко Митич нам тоже нравился, так что Михаилу предстояло потихоньку донести до индейцев понятие национально-освободительной борьбы. И посмотреть, какие вооружения в этом случае окажутся самыми эффективными, чтобы потом мы поставляли именно их, даже если для этого придется провести новые разработки.

Помимо вышеперечисленного перед экспедицией стояла задача изучить места залегания утонувших кораблей с грузом золота, серебра и драгоценностей, ибо мы собирались пополнять свои валютные запасы еще и таким образом. Первого из утопленников, галеон «Санта-Паулу», Михаил уже нашел вблизи побережья Флориды, практически там, где он был обозначен на моей карте. Этот корабль застрял меж двух подводных скал на глубине пятидесяти метров, и туда уже спускались наши водолазы. Они оценили находящиеся в трюме галеона сокровища примерно в три миллиона австралийских рублей, и в данный момент проходили работы по подъему всего ценного на поверхность.

Кстати, деятельность экспедиции Михаила являлась неплохой иллюстрацией нашей экономической политики. В возне вокруг «Санта-Паулы» принимало участие чуть меньше ста человек, а на прибыль от их работы уже сейчас можно было закупить такое количество зерна, для выращивания которого на наших полях понадобилось бы не меньше пяти тысяч рабочих, а то и все десять. И ведь это был первый из семнадцати затонувших на доступных глубинах кораблей, месторасположение которых я знал.

В силу чего достижение Австралией продовольст-

венной независимости хоть и оставалось задачей государственной важности, но выделять на нее людские ресурсы предполагалось чуть позже.

Наконец, на Земле в это время существовала еще одна империя. По экономической мощи она, пожалуй, превосходила всю Европу, вместе взятую, но ухитрялась этого никому и никак не показывать. Причем вроде все было как положено. Население неуклонно росло и жило не так чтобы уж совсем плохо, имелась какая-то армия, империя потихоньку расширялась во все стороны. Но представителей любых прочих государств в ней рассматривали как людей второго сорта, у которых настоящему китайцу учиться просто нечему. Зная, что будет происходить в ближайшее по историческим меркам время, мы решили потихоньку вмешаться.

Сейчас в Китае правила династия Цин, и она целеустремленно вела дело к изоляции Китая. Хоть объемы внешней торговли пока не падали, постоянно сокращалось число мест, откуда она могла производиться. За этим направлением у нас присматривал филиппинский купец Гонсало, сделавший неплохое состояние на поставках китайского шелка и не желающий в будущем лишаться такого источника дохода.

Правда, тут имелась небольшая тонкость, совершенно неважная для нас, но существенно осложнявшая жизнь англичанам. Дело было в том, что китайцы не желали покупать никаких промышленных товаров из Европы, и вся торговля шла за золото, серебро и драгоценные камни. Но пытливая человеческая мысль способна преодолеть любые преграды, так что один не в меру предприимчивый английский купец уже догадался предложить китайцам опиум, хотя в моих источниках было написано, что подобные вещи начнутся только в конце восемнадцатого века. Не тра-

тя времени на выяснение, с чего оно вдруг так получилось, мы просто чуть добавили почтенному Гонсало денег и дали неофициальное разрешение тайком закупить десяток пятидесятимиллиметровых пушек, а дальше он прекрасно справился сам. Ну пираты же кругом, что с ними сделаешь! В общем, весь экипаж перевозящего опиум корабля оказался вырезан, сама посуда сожжена, и до всех заинтересованных лиц дошли слухи, что так будет с каждым, кто вздумает возить хоть что-нибудь подобное. Филиппинскому купцу были совершенно ни к чему конкуренты, а нам — торговцы наркотой, все равно, откуда и куда они тащат свою отраву.

Вряд ли Вильгельм в ближайшее время поднимет эту тему — ведь официально Австралия тут ни сном ни духом. Но если все же заинтересуется, я скажу, что есть у австралийцев такая маленькая слабость — ну не переносят они наркотиков. А так как деньги пока в опиумном бизнесе крутятся совсем небольшие, то вряд ли король пожелает углубляться в эту скользкую тему, портя тем самым отношения с выгодным кредитором и ставя под удар поставки оружия.

Ибо наша империя, как и положено великой державе, уже пять лет имела свой государственный банк, директором которого был его святость Викторий Второй, а вице-директором с правом утверждающей подписи — его сиятельство обер-барон Моисей Ротшильд. Причем и Людовик, и Вильгельм уже были должны этому банку шестизначные суммы в австралийских рублях, одной из самых устойчивых валют мира.

Разумеется, никто из нас не надеялся, что по этим долгам с Австралией когда-нибудь расплатятся, — так и давали мы деньги вовсе не затем, чтобы в далеком будущем получить свое золото обратно, но с процентами. Нет, тут работали несколько иные соображения.